

<https://pogazeta.ru/wp-content/uploads/2019/03/c5a3c9b12962c2c3e7d066e769e028f1.jpg>

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ В ТЭК И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ. ЧАСТЬ 2

АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК

Доктор экономических наук, профессор

Мы можем сформировать технологические цепочки отрасли полностью. Настало время для реформ. Рецепты и потенциал для их осуществления есть.

В первой части статьи была проанализирована политическая установка на отказ от российских энергоресурсов в ЕС и сомнительные цифры программы по ее реализации REPowerEU (Перезагрузки ЕС!), в частности по отказу от природного газа из России к 2027 г.; обоснованы основные санкционные развилки для энергетики России и Европы. Показано, что в западном публичном пространстве рассматриваются только два из трех возможных сценариев дальнейшего развития отношений ЕС с Россией: волевой отказ от российского газа (эмбарго потребителя), при котором цена решения вопроса не имеет значения, и экономическое замещение российского газа, при котором цена замещения все же имеет значение. Третий сценарий – восстановление сотрудничества РФ-ЕС в «новой реальности» и «новой нормальности», что возможно только после завершения СВО и на новых условиях – сегодня этот сценарий не рассматривается, на него просто отсутствует политический запрос. После завершения СВО политическая антироссийская пена неизбежно схлынет, станет происходить признание новых реалий, начнется эрозия санкций. Появятся (в теории) три опции действий России по преодолению санкций. В первой части статьи была рассмотрена опция 1, невозможная: возврат к старой нормальности в условиях деглобализации. Во второй части рассматриваются опции 2 (тактическая) и 3 (стратегическая).

Нескорый возврат к сотрудничеству с ЕС

Итак, возможен лишь переход к некоей новой нормальности, которая должна будет выстраиваться на принципиально другой базе взаимодействия с ныне «недружественными странами», в первую очередь с Европой. Нам необходимо стараться на основе прагматических решений и аргументов, используя понимание разумной части европейцев, что любое энергетическое решение для ЕС вне сотрудничества с Россией будет стоить много дороже и обернется ухудшением благосостояния населения стран ЕС, разорвать существующую политическую связку США и Европы для того, чтобы показать Европе, что только во взаимоотношении с Россией Европа может усилить, укрепить свои конкурентные позиции на мировом рынке. А опора на американские силы, включая всякие новые «планы Маршалла» для новой Европы, ведет к утрате Европой своих конкурентных позиций.

Ее просто убирают как самое слабое звено в глобальной конкуренции, и это целенаправленная политика США: вбить клин между Европой и Россией, в первую очередь между Россией и Германией. Как пишет/говорит Джордж Фридман, основатель частного разведывательного агентства «Стратфор», «конечная цель США заключается в строительстве «Междуморья» – территории между Балтийским и Черным морями, концепцию которого придумал еще Пилсудский. Для США первая цель – не допустить, чтобы немецкий капитал и немецкие технологии соединились с русскими при-

родными ресурсами и рабочей силой в непобедимую комбинацию. ... США работают над этим уже целый век. ... Козырь США, бьющий такую комбинацию, – линия разграничения между Прибалтикой и Черным морем... Россия и Германия, действуя вместе, становятся единственной силой, представляющей для США существенную угрозу» [40].

Для предотвращения этой угрозы в 2016 г. была запущена «Инициатива Трех Морей», организованная двенадцатью восточноевропейскими странами ЕС при поддержке США. Цель «Инициативы», которая по сути своей является содержательной правопреемницей «Междуморья» Пилсудского, – создать инфраструктурный «вертикальный» коридор «север-юг» на востоке ЕС, чтобы отсечь поставки российского газа в ЕС и заместить их поставками импортного (в первую очередь американского) СПГ. «Цена отсечения» российского газа в ЕС (что оптовая, что, тем более, у потребителя) ниже, чем СПГ США. Поэтому замещение более дешевого газа более дорогим ведет к увеличению энергетической составляющей в издержках производства продукции обрабатывающих отраслей ЕС и, в итоге, к ухудшению глобальной конкурентоспособности европейской продукции на мировых рынках. Что и требовалось доказать. Ничего личного. Только бизнес. Америка превыше всего.

Поэтому возврат к выстраиванию «новых» взаимоотношений с Европой может произойти (что, впрочем, не гарантировано – зависит от интенсивности и эффективности наших усилий в этом направлении) только в том случае, если мы сможем прагматически заинтересовать и показать, а лучше доказать ЕС, что новое выстраивание взаимоотношений с Россией ведет к росту благосостояния европейцев, в отличие от продолжения военно-политического сотрудничества ЕС с США, которое ведет к снижению благосостояния европейцев и к утрате Европой своих когда-то передовых позиций в никуда не девшейся глобальной конкуренции и к перемещению, таким образом, объединенной Европы на задворки глобального мира.

На мой взгляд, нам ни в коем случае нельзя «рвать» наши энергетические отношения с Европой со своей стороны. Хотя с той стороны к этому не только призывают, но и принимают соответствующие «программы действий» (правда, обреченные, на мой взгляд, на провал) недалекие политики – текущие руководители современного ЕС и его ключевых стран-членов (вновь вспоминается высказывание Черчилля о разнице между политиком и государственным деятелем: первый думает о следующих выборах, второй – о судьбе государства). А с нашей стороны призывы к «развороту на Восток» некоторые горячие головы интерпретируют именно как полный разрыв с Европой. Повторюсь еще раз: мы 50 лет выстраивали капиталоемкую инфраструктуру энергетической взаимозависимости с Европой не для того, чтобы на волне антироссийской истерии «с той стороны» (подогреваемой с другой стороны Атлантики, исходя из своекорыстных вышеуказанных интересов)

идти на риск «необоснованных/неоправданных инвестиционных решений» по отказу от выстроенной системы отношений и на списание, причем обеими сторонами, этой капиталоемкой инфраструктуры, которая делает обе стороны многомерно взаимозависимыми, а значит, обреченными на взаимовыгодное взаимодействие. Ибо если взаимодействие не является взаимовыгодным, то оно является неприемлемым для одной или другой стороны.

Таким образом, восстановление энергетического сотрудничества РФ-ЕС неизбежно должно будет произойти в «новой реальности» и «новой нормальности», но только после завершения СВО и на новых условиях.

Но тогда возникает вопрос: чем заместить в краткосрочном плане тот товарный импорт, которого нас Европа и США, то есть весь англосаксонский мир, лишают (см. таблицу 1 в первой части статьи)? По товарной номенклатуре, по критическим элементам в воспроизводственных цепочках, где мы оказались зависимы от импорта из Европы и США в силу того, что в свое время это казалось (и оказалось) быстрее и дешевле, чем выстраивать такие цепочки на основе собственных ресурсов (интеллектуальных, трудовых, материальных) и в рамках национальной юрисдикции.

Отсюда первый вариант замены (замещения) – опция 2.

Опция 2, возможная, но тактическая: замена англосаксонского импорта азиатским

Опция 2 – это замена импорта товаров и услуг с западных (англосаксонских) товарных и финансовых рынков на аналоги с азиатских товарных и финансовых рынков. Возможен ли такой вариант? Да. Но только, на мой взгляд, как временные точечные решения, но не как системное решение.

Во-первых, как правило, замена англосаксонского товарного импорта на азиатский может означать его удорожание при ухудшении качества. Азиатские товары могут быть хуже по качеству (хоть могут быть и дешевле по цене) англосаксонских аналогов, что в итоге ведет к удорожанию в пересчете на срок службы из-за сокращения межремонтных периодов и т.п. А финансы – впрямую дороже. Это показали результаты нашего исследования о влиянии антироссийских технологических и финансовых санкций США-ЕС после «Крымской весны» 2014 г. на освоение нефтегазового потенциала российского арктического шельфа. [41]

Пример-аналогия такого замещения (размена) из близкой мне газовой сферы: размен украинских транзитных рисков (украинский коридор) на турецкие (газопровод «Турецкий поток» и его сухопутное продолжение «Бал-

канский поток») при формировании южного полукольца современной радиально-кольцевой архитектуры российских газовых поставок в Европу. Это не полная ликвидация транзитных рисков, но их минимизация путем сохранения транзита, перевода его в другую, на тот момент более дружескую, юрисдикцию.

Однако политические отношения между странами редко бывают равными. Самый свежий пример «неровности» российско-турецких отношений: мы помним о резком их ухудшении (и на практике, и, особенно, в дипломатической риторике, вплоть до уровня первых лиц) после того, как 24 ноября 2015 г. в районе турецко-сирийской границы ракетой «воздух-воздух» с истребителя ВВС Турции был сбит Су-24 ВКС РФ и один из двух катапультировавшихся российских летчиков погиб во время приземления на парашюте в результате обстрела с земли антиправительственными вооруженными формированиями.

Скажу неpolitкорректно: такая «неровность» (с разным ее уровнем) объективно возможна во взаимоотношениях с любыми другими странами, в том числе и при «развороте на Восток» – с нашими текущими стратегическими союзниками и/или тактическими попутчиками в этой части Евразии. Сегодняшний Китай – это стратегический партнер России, но я помню китайскую культурную революцию и события на Даманском. Неочевидно позиционирование многих «третьих» государств в нынешних условиях антироссийских санкций, когда их естественное опасение попасть под ограничения в рамках своих собственных отношений с государствами-санкционерами в случае поддержки России, вынуждает их придерживаться сдержанной позиции, в том числе в отношении поставок нам подсанкционных товаров или организации иных путей помощи в обходе антироссийских санкций. Именно поэтому путь замены утрачиваемого англосаксонского импорта критически важных товаров на азиатские аналоги я рассматриваю лишь в качестве временной, неизбежно тактической меры, и лишь по точечным позициям критического импорта с целью недопущения остановки производственных цепочек, и только там, где есть реальная угроза такой остановки, и лишь на период до налаживания собственного производства этих элементов.

В этом смысле легализация параллельного импорта товаров (Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19.04.2022 № 1532¹ [42]) является абсолютно правильным, но тактическим шагом, который может позволить заполнить временно опустевшие товарные ниши по разрешенному списку в связи с уходом ряда зарубежных компаний с российского рынка, хотя, очевидно, это приведет к повышению цен как в номинальном исчислении, так и в координатах «цена-каче-

¹ Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19.04.2022 № 1532 "Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия". // «Российская газета», 06.05.2022 (<https://rg.ru/documents/2022/05/06/minpromtorg-prikaz1532-site-dok.html>)

ство». Документ исключает гражданско-правовую ответственность для случаев завоза продукции импортерами в обход официальных каналов дистрибуции.

Правила ВТО не запрещают параллельный импорт, а отдают этот вопрос на усмотрение национальных властей. Многие страны мира разрешают параллельный импорт, в частности, США (в стране действует так называемая доктрина первой продажи, согласно которой перепродажа оригинальных товаров не является нарушением), страны Евросоюза, Великобритания, Канада, Бразилия, Турция и другие. В Минпромторге подчеркивали, что перечень товаров для параллельного импорта будет корректироваться: он может как расширяться, так и сужаться в зависимости от решений иностранных компаний по работе в России. Предполагается, что актуализироваться список будет раз в квартал или два месяца [43]².

Разрешенный перечень товаров для параллельного импорта является лишь одним из элементов того, что Президент России Владимир Путин в своем выступлении на ПМЭФ-2022 отнес к вопросам «декриминализации целого ряда так называемых экономических составов». Он обратил внимание на вопросы «работы без лицензии или аккредитации» в более широком контексте. «Сейчас это очень тонкий вопрос из-за нелегитимного поведения наших западных партнеров, например, которые отказывают в предоставлении таких лицензий. В подобных случаях наши государст-

венные органы не должны, что называется, собственными руками подводить российский бизнес под статью, притом что реальной вины наших предпринимателей тут нет». И сослался на то, что сами предприниматели понимают, о чем речь. «Лицензия закончилась, партнеры западные не продлевают – ну что им делать? Сворачивать бизнес, что ли? Как бы не так, пусть работают. Надо, конечно, под контролем всё держать государства, но не мешать им работать» [44]³.

Тем не менее, подчеркну, я рассматриваю вышеизложенные меры в рамках опции 2 как возможные – и даже, возможно, эффективные – лишь на период до налаживания собственного производства попавших под санкции критически важных элементов производственных цепочек. Значит, остается третий вариант – это опора на собственные силы по критическим звеньям (товарным позициям) ключевых производственных цепочек.

Опция 3, необходимая стратегическая: опора на собственные силы в условиях деглобализации

Основной путь, то есть системное решение, на мой взгляд, – это опора на собственные силы в условиях деглобализации по критическим, утраченным в результате санкций, звеньям ключевых производственных цепочек (см. рисунок 4) как для существующих, но пока

Рисунок 4. Варианты поведения в ответ на антироссийские санкции в ТЭК

Источник: А. Конопляник

2 М. Загайнов, Ю. Зубко, О. Капранов, А. Полухин. Параллельный импорт товаров легализован. // «Российская газета», 10.05.2022 (<https://rg.ru/2022/05/10/parallelnyj-import-tovarov-legalizovan.html>)
 3 Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин на пленарном заседании ПМЭФ-2022. // «Российская газета», 17.06.2022 (<https://rg.ru/2022/06/17/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-plenarnom-zasedanii-pmef-2022.html>)

нерентабельных, так и для отсутствующих производств. Эти звенья выпали как вследствие ухода из России западных компаний-акционеров в российский ТЭК (как, например, в сфере крупнотоннажного СПГ) после начала СВО, так и вследствие того, что теперь в Россию запрещен экспорт соответствующих видов оборудования, держателями которого и/или носителями ноу-хау по которому являлись ушедшие из России и/или действующие на мировом рынке за пределами России иные западные компании.

Значит, в первую очередь нужно провести ревизию тех утраченных в результате англосаксонского исхода ключевых звеньев производственных цепочек (пишу об энергетике, но сказанное относится ко всем затронутым санкциями отраслям за ее пределами), которые незамещаемы сегодня поставками с Востока, чтобы начать их немедленное воссоздание на основе собственных ресурсов и технологий в рамках собственной (и/или с задействованием дружеских) юрисдикции. Следовательно, первый необходимый шаг – это каталогизация утраченных позиций по всем производственным цепочкам.

Здесь возникает первая развилка: все ли выпавшие звенья необходимо восстанавливать? Нужен ли возврат к старым (запланированным до начала СВО и до новых санкционных пакетов) объемам и структуре отечественного энергопроизводства и потребления (заданным действующей Энергостратегией), а отсюда возврат к номенклатуре критических позиций, выпавших в результате санкций, на их «полное восполнение»? Это первый путь.

Или же необходимо определить ключевые сферы для повышения энергоэффективности и рационального «озеленения» (низкоэмиссионного развития) российской экономики, что приведет к неизбежному сжатию объемов и изменению структуры ТЭК России как по конечной, так и по первичной энергии. Это потребует жесткой ревизии Энергостратегии (задача на ее пересмотр поставлена с целью оценки и перехода к новым объемам и структуре энергопроизводства и потребления с учетом физических ограничений спроса: осознанных внутренних и вынужденных внешних). В результате будет выявлена и каталогизирована новая номенклатура критических позиций, выпавших в результате санкций, на их «частичное восполнение». Это второй путь.

На мой взгляд, именно второй путь является приоритетным. Понятно, что эта работа должна быть проделана «снизу вверх» (и уже делается), от уровня конкретных энергокомпаний до уровня уполномоченного органа Правительства (Минэнерго), где эта информация должна быть обобщена, проанализирована. И делать это необходимо, безусловно, на государственном уровне, ибо энергетика – это народнохозяйственный комплекс. Отсюда – актуальность поднятого г-ном Дерипаской вопроса о «начальнике по импортозамещению».

В рамках этого пути возникает очередная развилка, связанная с тем, что разные выпавшие критические позиции в технологических цепочках, требующие замещения с опорой на собственные силы, могут как находиться на разных стадиях кривой технологического освоения (КТО), так и вне этой кривой.

В первом случае это означает, что у нас существуют технологические заделы, которые оказались невостребованными в разное время и остановились на разных стадиях жизненного цикла той или иной технологии, на разных стадиях КТО. Они не дошли до стадии коммерциализации либо потому, что оказались недоработаны технологически, либо будучи технологически доработанными, оказались слишком дороги, а потому их производства нерентабельны, по сравнению с зарубежными аналогами. И компании российского ТЭК – потребители этих технологий – предпочли обратиться к более дешевому (в координатах «цена-качество») импорту. Во втором речь идет об отсутствующих производствах: мы этим ранее никогда не занимались, у нас этих производств нет по определению, от слова «совсем». Для каждого из этих путей – свой набор и своя последовательность действий (рисунок 4).

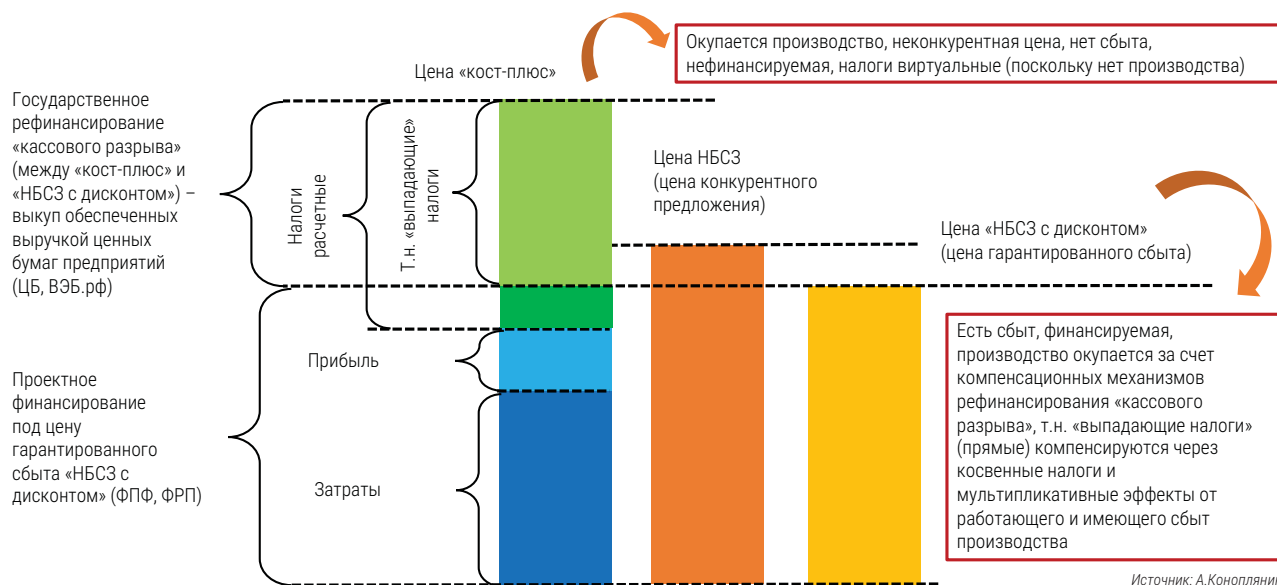
Путь решения проблемы существующих, но нерентабельных производств

Проблема существующих, но нерентабельных производств описывается формулой «кост-плюс >> НБСЗ». Это означает, что отпускная цена, обеспечивающая рентабельность любого такого производства и построенная по принципу «кост-плюс», то есть учитывающая капитальные (куда зачастую закладываются все какие можно и нельзя прошлые затраты), эксплуатационные затраты, расходы на финансирование (когда прибегают к долговому финансированию) плюс приемлемая норма прибыли, оказывается выше цены альтернативного предложения у потребителя, то есть цены «нет-бэк от стоимости замещения» (НБСЗ).

Каким видится путь решения этой проблемы? На мой взгляд, допустима следующая жестко взаимосвязанная между собой система действий производственного бизнеса (производители утраченных в результате санкций технологий и их потребители в отраслях ТЭК), финансового сектора (коммерческий, Центробанк, институты развития), государства в лице регулирующих органов (см. рисунок 5).

Первое. Отпускная цена должна быть целенаправленно установлена на уровне ниже НБСЗ. Это обеспечит, при сопоставимом качестве с аналогами-конкурентами (то есть в координатах «цена-качество»), гарантию сбыта для данной технологии (ее востребованность бизнесом), а значит конкурентную долю рынка, гарантию доходов от реализации и возврата инвестиций на производство данных звеньев технологических цепочек, утраченных в

Рисунок 5. Механизм финансирования пока не вышедших на рентабельность производств

результате санкций. Отпускная цена может (а, пожалуй, и должна) быть плавающей – привязанной к цене альтернативных (конкурентных) технологий через т.н. «формулы привязки». Такой механизм давно отработан на практике в газовой отрасли, в Европе с 1962 г. (знаменитая Гронингенская формула долгосрочного экспортного контракта), в российских (тогда еще советских) поставках газа в Европу с 1968 г. (модифицированная формула Гронингенского ДСК).

Второе. Гарантии сбыта и доходов (см. предыдущий пункт) обеспечивают проектное финансирование развития производства, ибо гарантируют возврат целевых кредитов под его развитие для цены реализации ниже НБСЗ. В России действуют такие институты, как Фабрика проектного финансирования, Фонд развития промышленности, заточенные под реализацию и способные реализовать эту задачу. Необходимо расширить спектр их деятельности на попавшие под санкции и требующие восстановления звенья производственных цепочек в разных отраслях. Возможно в рамках указанных и иных аналогичных финансовых институтов формирование специализации по отраслевым направлениям в силу специфики рисков производственно-сбытовой деятельности (разных инвестиционных циклов – срочность, капиталоемкость и др.) в разных отраслях экономики. Такой подход обеспечивает финансовые гарантии проектного финансирования.

В своем «программном» выступлении на ПМЭФ-2022 Президент Путин заявил, что «нам важно в целом повы-

шать доступность долгосрочных финансовых ресурсов, кредита для экономики. Уже в ближайшее время акцент в поддержке деловой активности должен смещаться от мер бюджетного стимулирования к механизмам рыночного банковского кредитования». И тут же, говоря, что этот процесс нужно, безусловно, поддержать, проинформировал, что «для наращивания возможностей Фабрики проектного финансирования «ВЭБа» выделим 120 миллиардов рублей из Фонда национального благосостояния. Такая мера обеспечит дополнительное кредитование востребованных инициатив, проектов в объеме порядка полутриллиона рублей» [44]⁴.

Третье. Возникает вопрос: кто покрывает «кассовый разрыв», то есть разницу между:

- текущей «финансируемой» ценой реализации – той, которая меньше НБСЗ, которая не обеспечивает рентабельности производства, но обеспечивает сбыт и рыночную долю, и под которую только можно (а в рамках предлагаемого пакета мер – и должно) получить проектное финансирование, и
- текущей «нефинансируемой» ценой реализации «кост-плюс» – той, которая выше НБСЗ, которая обеспечивает текущую рентабельность производства, но не обеспечивает сбыт, и под которую нельзя – и не должно – получить поэтому проектное финансирование (нет гарантий возврата заемных средств) для запуска производства утраченного в результате санкций того или иного критического звена технологических цепочек (см. рисунок 5).

⁴ Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин на пленарном заседании ПМЭФ-2022. // «Российская газета», 17.06.2022 (<https://rg.ru/2022/06/17/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-plenarnom-zasedanii-pmef-2022.html>)

Бокс 2

Мы с коллегами по группе разработчиков законодательства о СРП еще в 1990-е гг., когда подготовили и продвигали это законодательство, опираясь на поддержку заинтересованного бизнеса и значительной части депутатского корпуса, обосновывали механизм обеспечения гарантий возврата инвестиций в производственные проекты путем двух ключевых положений для инвестора-недропользователя:

- (1) возможности замены многочисленных налогов и сборов с разной базой и характером налогообложения таким распределением ресурсной ренты (то есть разницы между ценой и издержками), чтобы инвестор мог получить приемлемую норму прибыли с учетом рисков, а принимающее государство-собственник недр – все остальное. Обеспечивалось это для каждого индивидуального случая применением механизма «скользящей шкалы раздела распределяемой продукции» в рамках применяемой в России модели трехступенчатого ее раздела в рамках СРП (модифицированной версии т.н. «индонезийской модели»);
- (2) сохранение неизменности ключевых параметров государственного регулирования (в первую очередь, номенклатуры применяемых налогов и налогового администрирования), существовавших на дату подписания СРП, на весь срок его действия. Поскольку речь шла о недропользовательских проектах, то на весь срок лицензионного соглашения по доступу к недрам, т.е. на 25 лет в случае совмещенной (на разведку и добычу) лицензии.

Как известно, закон «О СРП» был принят в 1996 г. и вступил в силу, получил сначала поддержку бизнеса и государства, вплоть до первого лица – вступившего на пост Президента РФ в 2000 г. В.Путина. Но уже в 2003 г. широкомасштабное применение закона «О СРП» было фактически заблокировано по инициативе ныне более не существующей нефтяной компании (я довольно подробно и многократно описывал в свое время эпопею с СРП, в том числе с коллегой-соавтором М.А. Субботиным; много выступали в СМИ на тему СРП активно продвигавшие эту философию формирования инвестиционно-привлекательного предпринимательского климата в минерально-сырьевых отраслях страны депутаты из профильного Комитета тогдашней Госдумы А. Мельников и А. Михайлов, внесшие этот законопроект в Федеральное Собрание). Поэтому сегодня на основе СРП в стране действуют всего три проекта, соглашения по которым были заключены до вступления в силу закона «О СРП» (Сахалин 1 и 2 и Харьяга). Хотя после принятия закона, когда Госдума в 1997 г. провела опрос среди нефтегазовых и минерально-сырьевых компаний на тему, какие проекты (действующие и/или новые) они хотели бы осуществлять на условиях СРП, перечень таких проектов превысил 250 единиц.

Ответ: это можно сделать за счет государственного рефинансирования, на возвратных условиях, разницы «кост-плюс минус НДСЗ». Полагаю, это может быть механизм выкупа/принятия на свой баланс Центробанком или Государственным банком развития (ВЭБ.РФ) обеспеченных (см. пп.1-2 выше) ценных бумаг соответствующих предприятий на эту сумму. По мере производства и сбыта, будет происходить неизбежное (эффект кривой обучения) снижение цены самофинансирования (кост-плюс), что должно будет в итоге привести ее к уровню текущей

отпускной цены, установленной (см. п.1) ниже НДСЗ. Это будет «технически» снижать величину подлежащего рефинансированию первоначального «кассового разрыва».

Следующие два пункта относятся к регулирующей роли государства и к устанавливаемым им характеристикам инвестиционного климата.

Четвертое. Предлагается минимизация (вплоть до обнуления) прямых налогов на производство – государство получит свое через косвенные налоги и мультипликативные эффекты от данного производства. Поскольку цена реализации любого продукта распадается на три основных компонента – издержки (производственные плюс финансовые), налоги и прибыль, минимизация налоговой компоненты (прямых налогов) будет вести к уменьшению цены реализации (в идеале – до уровня ниже НДСЗ – см. Рисунок 5). Таким образом может отпасть необходимость в п.3 выше – в необходимости применения механизма государственного рефинансирования разницы «кост-плюс минус НДСЗ», если удастся снизить «кост-плюс» до уровня ниже НДСЗ за счет сокращения налоговой компоненты (прямых производственных налогов). На таком подходе – замещение т.н. «выпадающих» прямых налогов получением дополнительных косвенных за счет расширения их налоговой базы вверх по производственным цепочкам предыдущих переделов вследствие наращивания первичного производства – были построены многие программы выхода из кризиса, в частности (видимо, наиболее известная) программа «Рейганомики» в начале 1980-х гг. в США.

Пятое. Государство предоставляет гарантии стабильности проектных условий на период не меньший, чем до завершения срока окупаемости по каждому конкретному инвестиционному проекту, в первую очередь по налоговому законодательству и его администрированию. Это обеспечивает правовые гарантии проектного финансирования в каждом индивидуальном случае (а иного – неиндивидуального – проектного финансирования не бывает и быть не может).

Я вижу в этом своем предложении аналогию, методологическую и историческую, с механизмом соглашений о разделе продукции (СРП) для инвесторов-недропользователей (см. бокс 2). Ключевая идеология СРП (правовая стабильность, налоговая благоприятность) была воспринята и отчасти воспроизведена в рамках соглашений о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК) [45] – ныне «главного инвестрежима для мега-проектов». В рамках нынешней ведущейся его доработки [46], его инструментарий может быть быстро доработан и расширен под более широкую и без сегодняшних ограничений «только для мега-проектов» номенклатуру проектов по восполнению утраченных в результате санкций товарных позиций в технологических производственных цепочках.

Два пути решения проблемы отсутствующих производств

Для отсутствующих производств возможны два пути восполнения соответствующих «брешей» в воспроизводственных технологических цепочках: для решения краткосрочных и долгосрочных задач.

«Игра в короткую». Как пишет Д. Белоусов (ИНП РАН), «исходя из опыта преодоления санкций в разных странах, успешными были только адаптации, сопровождавшиеся проактивной экономической, финансовой и технологической политикой. В рамках подобной модели отсутствие притока технологий компенсируется сперва заимствованиями (точнее, т.н. «Шэньчжэнем» – заимствованием с улучшением), потом, во все большей степени, – собственными разработками или работами в кооперации со странами-партнерами. Неизбежное усиление роли государства уравнивается, с одной стороны, усилением синергии государства и бизнеса, обеспечением максимально выгодного бизнесу институционального порядка, с другой – обеспечением максимальной экономической свободы на «низовом» уровне» [47].

Опыта «Шэньчжэня» нашей стране не занимать, причем задолго до появления и вхождения в обиход этого китайского термина. Значительная часть индустриализации и модернизации СССР в до- и послевоенное время обеспечена с применением механизмов того, что сегодня называется «Шэньчжэнь», равно как и послевоенные, в разное время, экономические рывки многих азиатских стран (Японии в 1960-х, «азиатских драконов» Юго-Восточной Азии в 1980-х, Китая в 2000-х и др.). Односторонний отказ западных стран от следования нормам международного права (санкции, экспроприация активов и т.п.) делает, на мой взгляд, сегодня вновь возможным и допустимым не только параллельный импорт, но и встречный отказ российской стороны от норм патентного и лицензионного права, и использование всех и любых источников доступа к необходимым технологиям, патентам и лицензиям для замещения подсанкционных позиций в критически важных звеньях наших технологических цепочек.

«Игра в долгую». Речь идет о запуске длинных инновационно-инвестиционных циклов новых производств на основе собственных технологических цепочек. Об этом также говорил Президент страны на ПМЭФ-2022, выделяя «в этой связи шестой, на мой взгляд, сквозной, объединяющий нашу работу принцип развития – это достижение настоящего технологического суверенитета, создание целостной системы экономического развития, которая по критически важным составляющим не зависит от иностранных институтов, ... чужих решений, а имеет технологические ключи к созданию товаров и услуг следующих поколений» [44].

Аналогия (методологическая/историческая): атомные и космические проекты США и СССР – из военной сферы, сланцевая революция США – из мирной и др.

Начинать придется с госфинансирования фундаментальных и прикладных НИОКР по потенциально прорывным направлениям, с подготовки соответствующих специалистов в рамках системы высшего и среднего специального образования, приоритизации исследовательской повестки по широкому спектру направлений, понимая, что «выстрелить» могут не только те (или даже далеко не те) направления, на которые делается ставка «сверху».

Президент на ПМЭФ-2022 привел в пример в качестве революционного решения космический проект Королёва, уникальную пакетную схему для создания ракеты Р-7 [44].

Я же приведу ссылку на сланцевую революцию США (вполне понимая непопулярность для многих в нынешней политической ситуации ссылки на позитивный опыт «недружественной страны»), чтобы было понятно, что на материализацию технологических прорывов, на вхождение в новый технологический уклад, во-первых, может потребоваться довольно много времени, во-вторых, начинаться они должны с образования и науки (см. бокс 3).

Все эти инновационно-инвестиционные циклы были запущены форс-мажорными обстоятельствами, ставящими на карту экономическую, энергетическую безопасность страны вплоть до задачи выживаемости самого государств. Сегодня на карту вновь поставлена задача выживаемости России, против которой ведется война на экономическое удушение (при риторике наших противников о недопущении ядерной войны, то есть войны на уничтожение).

Я многократно слышал от Егора Гайдара, и разделяю это его высказывание, что «реформы делаются не тогда, когда есть время и деньги, а когда их нельзя не делать». Санкции, СВО и вся связанная с ними текущая обстановка вокруг России в мире – тот самый момент, на мой взгляд, «когда их нельзя не делать». Когда есть насущная потребность в запуске целой серии инновационно-инвестиционных циклов в экономике России для восполнения утраченных (как в результате санкций, отрезавших импорт, так и в результате преждевременной ранее остановки по тем или иным причинам отечественных работ) ключевых технологических звеньев воспроизводственных цепочек.

Нынешние, запущенные сегодня, циклы могут оканчиваться короче (эффект «циклов Шмихулы» – ускорения НТП), но любой такой инновационно-инвестиционный цикл, особенно в капиталоемкой энергетике, – это объективно длительный процесс. Но выбора нет – запустить их надо было еще вчера.

Бокс 3. Сланцевая революция США как пример эффективного инновационно-инвестиционного цикла

Американская сланцевая революция [48] долго готовилась и «выстрелила» через 30 с небольшим лет после начала подготовки в 1974 г. Администрацией тогдашнего Президента США Р.Никсона программы «Энергетическая независимость» в ответ на введение нефтяного эмбарго и повышение нефтяных цен странами ОПЕК в 1973 г. В 1977 г. (уже Администрацией Дж. Картера) эта программа была принята. Она началась с широкомасштабного государственного финансирования фундаментальных НИОКР по разным направлениям (по 14-ти только в газовой сфере), по которым в принципе когда-то мог бы быть получен эффект уменьшения зависимости от энергетического импорта. Одним из таких оказавшихся успешными направлений стало создание коммерческих технологий освоения сланцевых углеводородов (сначала сухого, затем жирного газа, а затем и нефти) на основе комбинации (успешного объединения в единый технологический комплекс) трех отдельных достижений революционного НТП: трехмерной сейсмики, горизонтального и направленного бурения и множественного гидроразрыва пласта (ГРП).

Был запущен маховик государственных инвестиций, который создал необходимые предпосылки для последующей сланцевой революции. Целенаправленное государственное финансирование фундаментальных НИОКР, которое началось с 1978 г. по разным направлениям, давало возможность на начальном этапе пройти точку невозврата по наиболее успешным из них. Эти НИОКР запустили механизм для формирования достижений революционного НТП. Дальше, когда замаячили перспективы их коммерциализации, подключился бизнес через различные приправительственные структуры, плюс правительство создало мощные инвестиционные стимулы на стадии коммерциализации инноваций.

Это дало мощный результирующий эффект, но на все это ушло 30 лет, поскольку американская сланцевая революция состоялась (выстрелила) только во второй половине 2000-х годов.

Следует особо подчеркнуть ключевую роль государства в запуске этого инновационно-инвестиционного цикла – без участия государства американская сланцевая революция не состоялась бы. Причем в государстве, экономика которого считается наиболее либеральной, что многими неверно расшифровывается как полное или почти полное устранение государства от прямого участия в экономике. Президент США Б. Обама в своем докладе Конгрессу «О положении в стране» 24.01.2012 говорил, что «именно государственное финансирование научных разработок, продолжавшееся в течение более 30 лет, помогло развитию технологий извлечения газа из сланцевых пород, напоминая нам, что господдержка жизненно необходима для помощи бизнесу в извлечении энергии недр посредством реализации новых энергетических идей» [49].

Санкции и сырьевые истоки дерева технологических переделов

Эффект технологических и финансовых санкций «международного сообщества» (см. Рисунок 1 в первой части статьи) против России можно представить в виде символической картины «дерева технологических переделов», опираясь на классификацию производственных ресурсов по Адаму Смиту. В оригинале у него – это труд, капитал, земля. Учитывая недостаточную развитость минерально-сырьевого комплекса во времена классика политэкономии, при которой производственный ресурс «земля» отражал преимущественно аграрный характер экономики, то есть плодородную почву, позволю себе адаптировать его модель к современным реалиям. Тогда

производственный фактор «земля» трансформируется в «природные ресурсы», как энергетические, так и неэнергетические. Все технологии полного цикла (технологические переделы) по любым товарным цепочкам можно представить в виде дерева, которое извлекает из земли различные природные ресурсы и производит готовую продукцию в виде плодов. Корни черпают из земли природные сырьевые ресурсы (полезные вещества). Питательные соки (капитал) разносят эти полезные вещества по ветвям, на которых созревают плоды. Листья, преобразуя энергию солнца через фотосинтез, как человеческий труд и интеллект, преобразуют капитал и природные ресурсы в готовую продукцию – в плоды. Которыми питаются и те, кто их производит, и те, кто их получает через международную торговлю. Поскольку раскидистая крона позволяет срывать плоды нам самим, а то и соседу за забором, дарить друзьям, продавать иным желающим насладиться ими... (см. Рисунок 6-1).

А теперь представим себе, что кто-то срубил это дерево, перерубил ему ствол, оторвал крону от корней. Листья вскоре завянут и опадут, плоды не дозреют и, несъедобные и пожухлые, упадут на землю, ветви засохнут и не смогут больше плодоносить. А ствол не сможет гнать живительные соки от корней, от которых его отрубили санкциями (Рисунок 6-2). И те, кто питался плодами, окажутся лишены такой возможности, будучи отрезанными от корней...

Но зато спустя некоторое время от корней пойдут новые побеги, ибо корни будут продолжать брать из земли питательные вещества. Вырастет новое дерево (для этого потребуется время и уход), появится и зашелестит новая листва, вырастут и наполнятся витаминами новые сочные плоды (Рисунок 6-2).

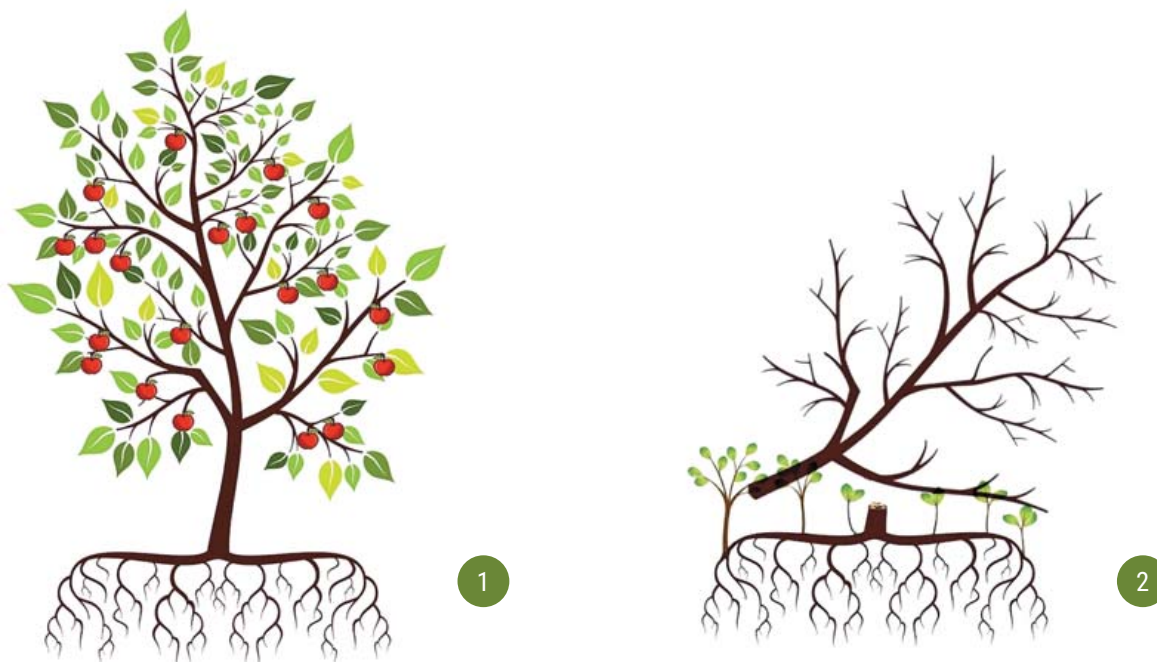
Россию нельзя отрезать санкциями от ее природных сырьевых ресурсов, без которых не может быть экономического роста при любом технологическом укладе – в основе технологических переделов любых высоких порядков лежит использование сырья.

Россия была, есть и останется мощной сырьевой державой. Огромная территория нашей страны скрывает в своих недрах множественные запасы природных ресурсов, который являются началом всех производственных цепочек любых товаров. Поэтому нам необходимо заново вырастить из своих корней технологические цепочки с выпавшими в результате санкций звеньями. И вырастут на этих корнях новые деревья новых технологических переделов, полных производственных циклов по критически важным старым и новым товарным позициям, обеспечивающим экономическую независимость нашей страны, защищенной от любых санкций. 🇷🇺

Так победим!

Статья отражает исключительно личную точку зрения автора и является его персональной ответственностью.

Рисунок 6. Россию нельзя отрезать санкциями от ее природных сырьевых ресурсов, без которых не может быть экономического роста при любом технологическом укладе – в основе технологических переделов любых высоких порядков лежит использование сырья

Идея: А.Конопляник, исполнение: Д.Харионовский

Список литературы

- [40] Выступление Джорджа Фридмана, основателя частного разведывательного агентства «Стратфор», на конференции The Chicago Council on Global Affairs, 04.02.2015 (<https://www.youtube.com/watch?v=iOY1dDqa7F0>; https://www.youtube.com/watch?v=xewzbMYmC_I).
- [41] А.Конопляник, В.Бузовский, Ю.Попова, Н.Трошина. Влияние антироссийских санкций на освоение нефтегазового потенциала российского арктического шельфа – и развилки энергетической политики России. – Москва, «Восток Капитал», ноябрь 2015, 106 с.
- [42] Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19.04.2022 №1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» // «Российская газета», 06.05.2022 (<https://rg.ru/documents/2022/05/06/minpromtorg-prikaz1532-site-dok.html>).
- [43] М. Загайнов, Ю. Зубко, О. Капранов, А. Полухин. Параллельный импорт товаров легализован. // «Российская газета», 10.05.2022 (<https://rg.ru/2022/05/10/parallelnyj-import-tovarov-legalizovan.html>).
- [44] Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин на пленарном заседании ПМЭФ-2022. // «Российская газета», 17.06.2022 (<https://rg.ru/2022/06/17/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-plenarnom-zasedanii-pmef-2022.html>).
- [45] Федеральный закон «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» от 01.04.2020 №69-ФЗ (последняя редакция) // (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349045/).
- [46] Правительство перезапустит главный инвестиционный план для мегапроектов после годового перерыва. // «Ведомости», 31.01.2022 (https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/01/31/907181-perezapustit-investitshim?utm_campaign=newspaper_1_2_2022&utm_medium=email&utm_source=vedomosti).
- [47] Д.Р. Белоусов. О возможностях развития в условиях санкций: некоторые предварительные замечания. ИМП РАН, 12.04.2022.
- [48] А.Конопляник. Движущие силы и факторы риска сланцевой революции (глава 2, с.26-36); «Эффекты домино» американской сланцевой революции (глава 19, с.319-324). – в кн.: Сланцевая революция и глобальный энергетический переход / Под ред. Н. А. Иванова. – М.; СПб.: Нестор-История, 2019. – 540 с.
- [49] «Remarks by the President in State of the Union Address, January 24, 2012», United States Capitol, Washington, D.C. (<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/01/24/remarks-president-state-union-address>).